

го въ покупкѣ всегда дороже; б., изъ оди-
наковаго количества и доброты смолы до-
стаютъ смолы почти вдвое болѣе печью, чѣмъ
ямами и корчагами, на прим. изъ одной са-
жени смолы выкуриваютъ смолы ямами и
корчагами до 2 осмыпудовыхъ бочекъ, а
печью выгашиваютъ изъ $\frac{1}{3}$ саж. смолы 2
бочки и болѣе.

4.) При гонкѣ смолы всѣми тремя способа-
ми, сперва (*) течеть смоляная вода съ при-
мѣсью древесной кислоты, смолы и соснова-
го масла; за тѣмъ жидкая блѣдоватая смола
съ эфирнымъ масломъ, при дальнѣйшемъ про-
изводствѣ бурая смола, а подъ конецъ онаго
буро-черная.

(*) Вотъ два перечия: а) сколько въ теченіи 15 лѣтъ поступило смолы изъ Архангельскаго порта въ ино-
странныя государства.

	Бочки.	Рубли.
Въ 1805 г.	356,926	
— 18 —	455,893	— 492,674
— 24		415,289
— 25		452,598
— 26		489,040
— 27		622,807
— 29		515,189
— 33		415,946
— 33	76,237	— 465,588
— 37	104,632	— 599,556
— 38	117,720	— 734,402
— 39	88,480	— 807,510
— 40	159,632	— 541,413
— 41	101,108	— 283,555
— 42	—	— 105,258

Примѣчаніе. 1) Изъ всего этого количества $\frac{2}{3}$ при-
падаетъ Вельскому уѣзду.

— 2) Замѣчаніе колебаніе въ количествѣ
и цена происходило не столько отъ количества заго-
товки, сколько отъ требованій всегда заявлявшихъ

5.) Всей смолы въ Вельскомъ уѣзда выку-
риваются сравнительно съ прочими уѣздами
сѣверными лѣвѣ трети.

6.) Сбываются ею, поговоря о употребленіи
на домашнія надобности, частію на скипи-
дарные мѣстныя заводы, и частію то въ Ярос-
лавль, Москву и С.-Петербургъ, то водой въ
Архангельскъ.

(Оконч. въ слѣд. нум.)

П. В.

III.

СМѢСЬ.

О РУССКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСНЯХЪ ИГА МОНГОЛЬСКАГО.

Сказка—лосиъ,

Пѣсня—быль.

(Р. пословица)

Въ наше время рѣшено, что основательное
изученіе Русской Исторіи состоится въ знаніи
не только виѣшней фактической, но и внут-

оть виѣшнихъ причинъ. Отъ этого именно въ 1813 г
бочка смолы стоила 4 р. 50 к., а въ 1844 г. 1 р.

6) Сколько въ теченіи 6 лѣтъ выкурано смолы соб-
ственно въ Вельскомъ уѣзде:

Въ 1846 г. 156,556 ведръ.

— 47 —	91,008	—
— 48 —	64,370	—
— 49 —	88,568	—
— 50 —	117,954	—
— 51 —	153,886	—

реиней жизни Русского народа, т. е. его вѣрованій, семейного быта, обычаевъ, нравовъ, языка, литературы,—однимъ словомъ всего, въ чемъ выражался его умъ и сердце, что содѣствовало образованію его характера.

А первоначальные черты характера нашего народа никогда нельзя изучить такъ хорошо, такъ полно, какъ въ народной поэзіи, особенію исторической.

Поэтому мы надѣемся, что этотъ небольшой и, можетъ быть, слишкомъ поверхностный этюдъ историческихъ пѣсень одной изъ земчательнѣйшихъ для нихъ эпохъ,—не будутъ лишены интереса для любознательнаго читателя.

Въ историческихъ пѣсняхъ народъ выражаетъ, какъ свои радости, свои славные подвиги,—такъ бѣдствія, горе и страданія; въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ, кажется, чувствуетъ внутреннюю потребность—излить свои чувства въ вдохновенной пѣсни.

Но крайней мѣрѣ, такъ было у Русскихъ: такъ было въ славное царствованіе Владимира, такъ было и въ тяжелое владычество Монголовъ.

При Владимирѣ народъ воспѣвалъ славу своего любимаго Князя—Солнышка (*), его блестательные пиры и подвиги его могучихъ богатырей, память о которыхыхъ сохранилась въ народѣ еще и теперь (**); вообще

эти пѣсни отличаются богатствомъ фантазіи большою частью грубой и суевѣрной, веселымъ, даже восторженнымъ тономъ (*).

Послѣ Владимира, русская лира, кажется, замолкла; это была смутная пора междуусобій, когда Русь находилась въ какомъ-то «оцепеніи глухомъ». Явились Монголы со своимъ дикимъ фанатизмомъ, со своей варварской жестокостью, явились—и поработили Русь. Ужасъ оковалъ изнуренный народъ; страшное, незвѣдомое до той поры горе глубоко, въ самое сердце поразило его; прѣда, несчастливъ былъ онъ и прежде; но тогда проливалъ кровь для своихъ Князей, жертвовалъ покой и счастье потомкамъ Владимира—солнца,—а теперь порабощенъ, притѣсненъ другимъ народомъ—языческимъ, дикимъ.

Хотя онъ, поправившись отъ первого удара, покорился непозѣнной волнѣ Провидѣнія, свыкся со своимъ горемъ, но уже не могъ забыть его и выразилъ кровавую эпоху въ своихъ безъискусственныхъ пѣсняхъ, которые для насть получили значеніе историческое. Это уже не тѣ веселыя, часто удачныя пѣсни, которыя пѣлись про Владимира: какъ прежде народъ выражалъ свое могущество, свою славу въ блестящихъ вымыслахъ, такъ теперь стала изливать свое горе въ грациозныхъ пѣсняхъ, болѣе исполненныхъ неподдельнымъ чувствомъ, нежели извѣстами фантазіи.

Этотъ разнородный источникъ пѣсень про Владимира и про Монгольское иго долженъ

(*) Такъ называли народъ Владимира.

(**) Въ особенности о знаменитомъ Ильѣ Муромцѣ.

(*) Объ этихъ пѣсняхъ см. въ Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней, г. Шевырева.

былъ повидимому положить между ними самую рѣзкую грань; но, напротивъ, при первомъ взгляде мы видимъ въ тѣхъ и другихъ самое близкое сходство. Народу, кажется, нужны были и для новыхъ пѣсень герои—вѣрные защитники Христіацства, хранители Православной Руси, могучие враги «поганыхъ Татарь»; онъ не хотѣлъ избрать героя изъ своихъ тѣгодапніихъ Князей, которые допустили другому народу завоевать Русскую землю и, вспоминая былое, оживотворилъ его въ новыхъ пѣсняхъ: въ нихъ онъ создаетъ новыхъ богатырей, живо напоминающихъ тѣхъ сподвижниковъ «Князя—Солица», которымъ онъ приписывалъ иѣкогда столько славныхъ, даже неестественныхъ подвиговъ, и даже вспоминаетъ незабвеннаго Владимира.

Такимъ образомъ въ новыхъ пѣсни перешли и Князь Владимиръ и богатыри; но этимъ и ограничивается сходство или, лучше сказать, сродство пѣсень про Владимира и про иго Монгольское.

Что касается до внутренней стороны, то пѣсни обѣ игѣ даже противоположны пѣснямъ про Владимира и вполнѣ выражаютъ кровавый вѣкъ «темного владычества Татарь»; онъ постоянно проникнуты то глубокой, меланхолической грустью, то безотрадной, тяжелой тоской; то непримиримой ненавистью, то неумолимой местью къ гонителямъ.

При этомъ надо замѣтить, что виѣшная форма пѣсень то-же эпическая, какъ и въ пѣсняхъ про Владимира: вы постоянно находите разсказъ, гдѣ въ живыхъ картицахъ и образахъ, часто мѣтко характеризующихъ эпоху,—народъ или представляетъ положе-

ніе Руси, или выражаетъ свои завѣтныя чувства.

Вота ѿдетъ Михайло Казариновъ сослужить службу для Князя—Владимира,—настѣльть дикихъ птицъ, и видѣть онъ въ полѣ стоять три бѣлые шатра и сидѣть три Татарина. Передъ однимъ шатромъ ходить русская дѣвица и жалобно распѣвается:

«О, злаощастная моя буйна—голова,
Горе—горькая моя русая коса,
А вечеръ тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала;
Я сама дѣвица то знаю—вѣдаю:
Расплетать будетъ мою русую—косу
Тремъ Татаринамъ—наѣздникамъ.»

Неподѣльною грустью дышеть эта простая пѣсня: русская дѣвушка взята злыми Татарами въ плѣнъ, гдѣ должна уянуть,

«.... какъ ландышъ за стекломъ,
Или скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ поденѣж-
ний»; (*)

—робкая, кроткая—она оторвана отъ тихаго семейнаго быта, отъ попеченій родной матери; этимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ въ пѣснѣ ярко охарактеризовано страданіе народа отъ своеволія Монголовъ; и вотъ плѣнница, вспоминая о былой безбурной жизни, когда она свободно жила подъ кровомъ своей хижины, въ грустнѣй пѣснѣ передаетъ свое горе.... кому?... Богъ—вѣсть кому; самой-ли себѣ, или

(*) Лермонтовъ

синему полю, или необъятному небу,—она просто хочет съ кѣмъ-бы то ни было раздѣлить свое страданіе; не таковъ-ли источникъ и всѣхъ историческихъ пѣсень ига Монгольскаго,—этихъ отголосковъ народнаго чувства въ минуты скорби и тоски?...

Казариновъ,—типъ вѣриаго слуги Князя и добродѣтельнаго богатыря—Христіанина,— узнаетъ въ дѣвушкѣ свою сестру; онъ убиваетъ Татарь, освобождаетъ сестру изъ плѣна и беретъ себѣ много золота, серебра и коней. (*)

Такъ ограбленный, притѣженій народъ мечталъ о богатствѣ, отнятомъ у него-же варварами безчеловѣчнымъ образомъ. Прежде всего онъ, полныій сознанія своего горькаго несчастія, представилъ тягость ига, а потомъ, чтобы утѣшить свое сердце сблизилъ въ воображеніи Монголовъ съ Казариновымъ наихъ погибель,—и Казариновъ,—второй Добрый, второй Илья, (**)—могучей рукой уничтожаетъ почти цѣлую толпу варваровъ.

Вотъ другая картина, въ которой описано, какъ Монгольскіе Ханы управляли Русью. Ханъ Азвякъ (***) награждаетъ своихъ шурьевъ русскими столицами «Василья на Илесу, Гордя въ Вологдѣ, Ахромя въ Костромѣ»; не даетъ одному «Щелкану», который уѣхалъ сбирать ханскія дани; онъ

«У кого денегъ пѣть,—
У того дитя возьметъ:

(*) Эта пѣсня находится въ Сборнике у Кирилла Данилова, который теперь, кажется, составляеть библиографическую рѣдкость; см. стр. 69.

(**) Это богатыри, воспѣваемыя народомъ при Владимѣре.

(***) т.е. Узбекъ.

У кого дитя пѣть,—
У того жену возьметъ;
У кого жены пѣть,—
Того самаго возьметъ.**

Вотъ картина гражданской жизни Русскаго народа, характеризующая варварство завоевателей Румы. Даѣше вы видите характеристику дикаго фанатизма Монголовъ: Азвякъ приуждаетъ Щелкану убить сына и выпить чарку его крови, и за это награждаетъ своего вѣриаго слугу «Тверью старою, Тверью богатою и двумя удалими Борисовичами». Тяжела-же была для Русскихъ эта власть, купленная такой страшной цѣной; но

«Не долго онъ (Щелканъ) судьей сидѣть;
И вдовы то безчестити,
Красны-дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами надсмѣхатися.»

Народъ покаловался на него двумъ братьямъ Борисовичамъ; но какъ въ ту пору народъ вполнѣ покорился Провидѣнію, всякое кровопролитіе считалъ бесполезнымъ, то и Борисовичи сперва пошли къ Щелкану съ дарами; когда-же тотъ «чести имъ незадаль загордился»—они, выведенные изъ терпѣнія, убили его. (*)

Въ этой пѣснѣ открывается полная и яркая картина несчастнаго состоянія Руси, тѣмъ болѣе, что произшествіе, разсказанное въ ней, действительно было, хотя народъ, какъ говорится, передѣдалъ его на свой ладъ.

(*) Тотъ же пѣсенникъ стр. 72.

Карамзинъ разсказываетъ, что въ концѣ лѣта 1327 явился въ Твери Ханскій посолъ Шевкаль, сынъ Дюденевъ (и въ пѣснѣ онъ названъ Дюдентьевичемъ) и двоюродный братъ Узбека, съ многочисленными толпами грабителей, хотѣлъ обратить Христіанъ въ Вѣру Магометанскую и убить Князя Александра Михайловича; узнавши это, народъ вооружился и выгналъ Шевкала изъ города (*).

И такъ въ пѣснѣ возстаніе нѣсколькохъ тысячи народа приписано баснословнымъ братьямъ Борисовичамъ; это измѣненіе, свойственное тогдашнему духу народа, письколько не отняло главнаго достоинства и интереса пѣсни; Борисовичи представляютъ себѣ любимыхъ защитниковъ народа, которые почему-то заслужили особенное уваженіе и довѣріе: къ нимъ народъ приходитъ жаловаться на притѣсненія, безъ ихъ совѣта онъ не смѣлъ или не хотѣлъ ни чего предпринять.

(Окончаніе въ слѣд. ч. и.)
П. Бунаковъ.

III.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Въ седьмой книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за Іюль мѣсяцъ 1854 года помѣщены слѣдующія статьи:

Отдѣленіе I. Дѣйствія Правительства по М. Н. Пр. за Май 1854: Высочайшія Повелѣнія. Министерскія распоряженія. Отдѣленіе II. Отрывокъ изъ Исторіи Черно-

(*) Исторія Государства Россійскаго; Т. IV ч. VIII.

горья. Соч. Медаковича. Пер. К. Петковича. О мраморномъ пьедесталѣ временъ Босфорскаго Царя Перисада I. Г. Кёне. Отдѣленіе III. Историческія рукописи Библіотеки Императорскаго Казанскаго Университета. Ст. И. А. Артемьевъ. Отдѣленіе VI. а) Книги, изданныя въ Россіи: Православное Нравственное Богословіе, составл. Архимандр. Платономъ (рец. П. К.) Судоходный дорожникъ Европейской Россіи, издаваемый Гл. Упр. Пут. Сообщ. и Публ. Зд. Т. I. (рец. Л.). Сумароковъ и современная ему критика, соч. Н. Булгака (рец. В. Гаевскаго). Обозрѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за 1-е трехмѣсячіе 1854 года: VI. Исторія Русская и Всеобщая. VII. Языкоизнаніе. VIII. Критика. IX. Исторія Литературы. X. Изящная Словесность. XI. Свободы и Художества. XII. Математическія Науки. XIII. Воспія Науки. XIV. Науки, относящіяся къ Мореплаванію. XV. Горныя Науки. XVI. Естественные Науки вообще. XVII. Медицинскія Науки. П. Б. XVIII. Промышленность, Технологія и Сельское Хозяйство. И. Г. Отдѣленіе VII. Указатель открытій, опыта и наблюдений по Математическимъ, Физическимъ и Естественнымъ Наукамъ: Казанскія наблюденія надъ Оріоновымъ пятномъ.—Новости по Астрономіи.—Новости по Механикѣ.—Новости по Физической Географіи.—Происхожденіе и сущность теплорода.—Новости по Физикѣ.—Разложеніе борнокислыхъ солей сѣристымъ углеродомъ.—Новости по Химії.—Приготовленіе сѣрий кислоты при выщавлѣніи мѣди.—Новости по Зоологіи.—Новости по Ботаникѣ.—Изслѣдованіе марганцовистаго свинцового блеска.—Новости по Геологіи и Минералогіи. М. Х. Разныя извѣстія: Худо-

того, какъ краслый, такъ и зеленый скипидаръ, для улегчивания смоляного запаха держать во все лѣто на открытомъ воздухѣ въ бутылкахъ, безъ укупорки горлъ. Дровъ при добываніи скипидара сжигаютъ до $\frac{1}{2}$ саж., а при перегонкѣ его въ зеленый и бѣлый до $\frac{1}{4}$ саж.

2.) Изъ сосновой сѣры, которая дасть лучшій скипидаръ, слѣдующимъ способомъ: предварительно, дно куба намазываютъ ворванью, впрочемъ не всегда и не везде; потомъ, сообразуясь съ величиною куба, набиваются въ него, какъ можно плотнѣе, сѣры отъ 60 до 80 пуд. и вливаются въ оную отъ 40 до 50 ведръ воды; наконецъ разводятъ огонь и поддерживаютъ до 3 сутокъ, съ внимательнымъ наблюдениемъ, чтобы сѣра не вскипѣла, отъ чего, по мнѣнію опытныхъ скипидарныхъ мастеровъ, уменьшается количество скипидара. Процессъ разложенія сѣры такой же, какой мы видѣли въ смоляномъ, именно отъ дѣйствія жара тончайшія сѣрныя частицы отдѣляются въ колпакъ въ видѣ паровъ и проходя отсюда патрубкомъ въ газоотводную трубой чрезъ холодильникъ и, обратившись изъ паровъ въ капельную жидкость, въ семь послѣднемъ видѣ стекаютъ въ обрѣзъ; въ тоже время частицы сѣры, смолянистые, отдѣлившись, просачиваются па дно куба, и, по прекращеніи паровъ, выпускаются краномъ и трубой въ холодильникъ. Перваго рода частицы составляютъ скипидаръ на половину болѣе съ водой (*), а

(*) Отдѣленіе воды отъ скипидара происходитъ очень просто, такъ какъ скипидаръ легче, а вода тяжелѣе, то первый всегда на верху, а послѣдня на пизу судна; и потому скипидаръ или сливаютъ или счерпываютъ изъ обрѣза изъ другое судно.

втораго канифоль, такъ, что изъ сѣры отъ 60 до 80 пуд., въ кубъ положенной, получается отъ 6 до 8 бочекъ бѣлаго скипидара, и отъ 20 до 30 пуд. канифоли (*). Дровъ на всю операцию издерживается $\frac{1}{2}$ саж.

Само собою разумѣется, что количество и доброта скипидара зависятъ какъ отъ качества материаловъ, такъ и отъ умѣнія мастера.

Весь (**) скипидаръ, добываемый на Вѣльскихъ заводахъ, поступаетъ въ продажу въ Ярославль, Москву и частію въ С.-Петербургъ.

II. B.

III.

СИБІСЪ.

О русскихъ историческихъ письмахъ и га Монгольскаго.

(Окончаніе.)

Перейдемъ къ другимъ письмамъ.

Естественно, что страдая, перенося всевозможные притѣженія и не видя конца своимъ

(*) Канифоль вещества цвѣта коричневато-желтаго, полупрозрачнос, твердое и хрупкое.

(**) Имею: въ 1846 году 1796 пуд.

47 —	2,841 —
48 —	2,492 —
49 —	1,701 —
50 —	1,250 —
51 —	1,824 —

бѣлствіямъ, народъ Русской все болѣе и болѣе, все сильнѣе и сильнѣе кинѣтъ ненавистью и местью къ своимъ гонителямъ.

Эту ненависть онъ хотѣлъ передать и по-
томкамъ своимъ въ трогательныхъ и характери-
стическихъ пѣсняхъ: колыбельно-истори-
ческихъ (*). Какъ будто мать, укачивая свое
дитя, хочетъ вложить въ него съ самыхъ
ранихъ лѣтъ эту глубокую ненависть, хо-
четъ передать ему свои завѣтныя чувства,—
и для того представляетъ самыя страшныя,
самыя яркія картины:

«По горамъ, по горамъ
По высокимъ,
По раздолыцамъ,
По широкимъ,
Тутъ огни горятъ
Негасимые,
Злы Татарове
Тутъ полонъ дѣлать,
Доставалося.
Тѣща зятю въ плѣнь;
Онъ отвезъ ее
Къ, молодой женѣ.
«Ахъ и вотъ тебѣ,
Молода—жена,
Нюлоняночка
Съ Руси русская!
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлать:
Что и первое—
То дитя качать;
А другое—то—

Тонкій кужель прясть;
Что и третie—
То цыплять насти»—
—«Ты—баю, баю
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Миль внушеночекъ;
Вѣть твоя-то мать,
Миѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣть мизинчика.
Ты—баю, баю
Мое дитятко!»
Какъ услышала
Тутъ Татарочка,—
Она кинулась,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
«Ахъ родимая.
Моя матушка!
Выбирай себѣ
Коня лучшаго:
Мы бѣжимъ съ тобой
На святую Русь
На святую Русь
Нашу родину!»

Какъ было не вздрогнуть сердцу русскому,
слушая такую заунывную пѣсню! Нѣдаль-
новидны тѣ критики, которые силятся дока-
зать, что эти пѣсни сложены послѣ ига,—
иѣтъ! чтобы разувѣриться въ этомъ, стоять
прочитать самыя пѣсни,—пусть онъ передѣ-
ланы, измѣнены, искажены, но все-же

(*) Эти пѣсни можно найти въ Сборнике г. Сахарова; томъ IV, страница 598.

токи въ нихъ есть много, много живо напоминающаго давнимъ — давно былое время «Татарщины.»

Въ порывѣ негодованія мать завѣщасть своему дитяти страшную, неумолимую месть:

«Встань,—пробудись, до дитятко,
Снимай со стѣны сабельки,

Баю, баюшки, баю!

Снимай со стѣны сабельки,
И вѣтъ мечи булатные;

Баю, баюшки, баю!

Ты коли, руби сабельками
Злыхъ Татаръ съ Татарченками,

Баю, баюшки, баю!

Ты сѣки, кроши губителей
Все мечами да булатными,

Баю, баюшки, баю,

Баю, мое дитятко! (*)

Но и страдая, народъ, крѣпкій вѣрой, надеждой и любовью къ Богу, былъ увѣренъ, что рано или поздно ослабнетъ грозная орда, «пройдетъ бѣда напоснай», — и вновь раззвѣтѣть православная Русь: все это прекрасно выражено въ одной изъ колыбельныхъ пѣсень, гдѣ обрисовано и ужасное нашествіе Монголовъ, и ихъ жестокости, и твердое упование на будущее счастіе; мы приводимъ ее вполнѣ:

«Сни, усни, мое дитятко,
Шокуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ!...»

Баюшки—баю

(*) Окончаніе другой колыбельной пѣсни....

Баю, мое дитятко!

Спи, усни, мое дитятко!

Гроза пройдетъ страшная,

Бѣда минетъ напоснай!

Баю и проч.

Спи усни мое дитятко!

Твоя матушка—полоняночка,

Твой батюшка—полоняночекъ!

Баю и проч.

Злые Татаре набѣгали,

Домы, теремы сожигали,

Старыхъ стариковъ убивали.

Баю и проч.

Молодыхъ въ полонъ полонили,

Животы по себѣ дѣлили,

Баю и проч.

Разлучили тебя дитятко,

Съ родимой-ли матушкой,

Баю и проч.

Отогнали прочь, дитятко,

Твоего батюшку родимаго,

Баю и проч.

Ты рости, рости, дитятко,

Въ крѣпости и младости,

Баю и проч.

Туть у тебя-ли на дворѣ,

Стоить теремъ одиhekонекъ,

Безъ батюшка и матушки,

Баю и проч.

Безъ твоей молодой жены.

Ты сѣдлай коня воронаго,

Баю и проч.

Ты скачи въ орду золотую,

Вывези батюшку роднаго,

Баю и проч.

На святую-ли Русь,

Вывези матушку родиму,

Баю и проч.

На широкой-ли дворѣ

Вывези молоду жену
Въ теремъ изукрашенній.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

Подъ такие грустные мотивы выростали сподвижники героя Донского,—будущие спасители Отечества!

Этимъ окончимъ разборъ Русскихъ историческихъ пѣсень про иго Монгольское.

Если въ поэзіи выражается духъ народа,—то изъ этихъ пѣсень мы видимъ, что подъ гнетомъ ига, страдая и тоскуя, тая ненависть и месть, Русские постоянно были одушевлены непоколебимой вѣрой въ спасеніе: они твердо надѣялись, что рано или поздно Русскій крестъ заблеститъ на тѣхъ мѣстахъ, где водворились варвары: не отъ того-ли такъ полны восторга пѣсни колыбельныя? Не отъ того-ли такъ граціозна пѣсня про Казаринова (см. выше)? Неувлеченный-ли этой надеждой, народъ сближаетъ своихъ гинтелей и съ богатырями? . . .

Кажется никакой связи, никакаго малѣшаго сближенія небыло между побѣдителями и побѣжденными,—ненависть и месть постоянно жили и возрастали вмѣстѣ съ силой въ Русскихъ; читая пѣсни, невольно увѣришься, что иго Монгольское должно было рушиться, и всякие чужеземные завоеватели никогда не поработятъ на долго Русскихъ: съ тѣми чувствами, которыя выразили они въ эпоху Монгольскую, народъ достоинъ не только быть вѣчно самостоятельнымъ, но и властновать надъ другими народами,—и назначение его:

«Хранить для міра достояніе
Высокихъ жертвъ и честныхъ дѣлъ.
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенное богатство,
И правду, и безковный судъ.» (*)

По нашему мнѣнію въ пѣсняхъ про иго также рѣзко запечатлѣлись: покорность Руескаго народа волѣ Ировидѣнія, твердость и мужество въ бѣдѣ, неудержимое стремленіе къ независимости и возвышенная любовь къ Отечеству.

Съ эстетической точки зреія хотя онѣ неисполнены причудливыми фантастическими вымыслами, которыми отличается большая часть пѣсень про Владимира, но за то полны глубокаго чувства и представляютъ тѣмъ не менѣе интересныя, часто чрезвычайно мѣтко схваченные съ натуры и поэтическія картины эпохи.

Въ пѣсняхъ про Владимира народъ создавалъ изъ своего воображенія яркіе колоссальные образы, которые поражая воображеніе, мало дѣйствуютъ на сердце,—тамъ выражалось гордое сознаніе физическихъ силъ, олицетворенныхъ въ видѣ богатырей; въ пѣсняхъ же про иго мы видимъ картины простыя, большую частію взятыя прямо изъ жизни, часто ужасныя и кровавыя, но вполнѣ соответствующія тогдашнему положенію Россіи; видимъ проявленіе глубокаго, задушевнаго чувства, отъ фантастического міра народъ, кажется, началь обращаться къ дѣй-

(*) Хонжескъ.

ствительности, впрочемъ не оставляя еще своихъ, цѣкогда любимыхъ созданий.

Вообще пѣсни про иго монгольское—яркий отпечатокъ эпохи и много говорять Русскому уму и Русскому сердцу.

П. Бунаковъ.

III.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Отъ опекуновъ надъ имѣніемъ и малолѣтними мѣщанскими дѣтьми Суровцовыми объявляется, что будетъ продаваться движимое имѣніе, заключающееся въ платьѣ и прочихъ вещахъ, а равно и находящіеся при домѣ Суровцовыхъ деревянные срубы съ материалами, оцѣненные въ 20 руб. Продажа будетъ производиться во 2-й части г. Вологды, въ Мѣховомъ ряду въ лавкѣ подъ № 8-мъ съ 16 числа Октября, съ 10 до 4 часовъ пополудни каждодневно, кромѣ воскрес-

ныхъ и праздничныхъ дней. Желающіе имѣютъ явиться къ опекунамъ мѣщанамъ Дьяконову и Сверчкову.—1.

Наслѣдниками умершаго мѣщанина Евграфа Попугаева будеть продаваться оставшееся послѣ него имѣніе, заключающееся въ мѣдныхъ и жѣлезныхъ вещахъ, платьѣ, постелахъ съ подушками, и бѣлой замшѣ, также и деревянный домъ съ землею. Продажа будеть производиться въ самомъ домѣ Попугаева, состоящемъ г. Вологды 2-й части за Дѣвичимъ монастыремъ, 12, 15, 19 и 22-го числа сего Сентября съ 9-хъ до 5-ти часовъ по полудни.—3.